



— Звучит просто кошмарно, Саммер. У меня сейчас кровь из ушей пойдет.

Я с улыбкой подняла глаза. Мои пальцы застыли в квинте¹, эхо которой продолжало разноситься по музыкальному залу. Под кончиками пальцев еще ощущалось тепло от нежной слоновой кости, и чтобы вернуться в здесь и сейчас, мне пришлось пару раз моргнуть. При этом я взглянула на часы, которые висели над открытой дверью в спортзал. И вздрогнула, когда поняла, что сейчас почти половина восьмого. Я играла больше четырех часов, и... мое внимание привлек парень с волосами песочного цвета, который прислонился к двери и криво усмехнулся мне.

— Черт! Я пропустила ужин! — вскричала я.

— Да... в очередной раз, — вздохнул Итан и оперся плечом о дверной косяк. Поло Lacoste натянулось у него на плечах, а волосы выглядели слегка влажными, как будто он только что принял душ. Когда парень подошел ближе, моего носа коснулся знакомый запах мыла и свежескошенной травы.

¹ Кв í н т а (с лат. quinta — «пятая») — музыкальный интервал шириной в пять ступеней; обозначается цифрой 5. Квинта имеет несколько разновидностей.

— Ты тренировался? — поинтересовалась я немного смущенно, взглядом скользя вниз к его шортам.

— Ага. — Итан остановился передо мной, скрестив руки на груди. — Поскольку у тебя, судя по всему, имеются более важные занятия, мне пришлось найти, как убить время.

Он недовольно посмотрел на меня, а затем наклонился ближе. Широкие плечи и бицепсы, в этот момент отчетливо выделяющиеся под одеждой, появились благодаря увлечению спортом, и в последнее время я ловила себя на мысли, что тайком пялюсь на него и гадаю, когда он успел стать таким мужественным. Мне не хотелось использовать слово «горячий», потому что находить Итана сексуальным — это все равно что находить привлекательным собственного брата, к тому же я знаю, как эти двое выглядят, когда засовывают себе в нос картошку фри.

— Прости, я совсем забыла о времени, — предприняла я слабую попытку извиниться, водя пальцем по откинутой крышке пианино. Блестящий черный лак тонким слоем покрывала светлая пыль.

— Никогда бы не подумал, — поддразнил меня Итан, а затем всем своим двухметровым телом плюхнулся рядом со мной на крутящийся стул, который оказался настолько узким, что мне практически пришлось сесть парню на колени, чтобы не упасть. — Как хорошо, — пробормотал он и начал рыться в своем старом синем рюкзаке, — что я хороший друг и знаю, что, когда Саммер Прайс играет на пианино, она забывает обо всем на свете, включая еду, питье и дыхание.

Он резко вытащил руку из рюкзака и сунул мне под нос слегка помятый бутерброд.

— Эээ... спасибо... Итан, не хочу показаться невеж-

ливой, но как давно он там лежит? — с подозрением спросила я, взяв хлеб кончиками пальцев.

Итан весело фыркнул и достал второй бутерброд. Тот выглядел еще хуже моего.

— Даренному коню в зубы не смотрят. Радуйся, что хотя бы один из нас позаботился о том, чтобы ты от голода не упала со стула.

— К сожалению, последнему даренному коню я обязана пищевым отравлением, — поддразнила теперь уже я, начав при этом распаковывать бутерброд.

В нос ударил запах пастромы и майонеза, и желудок тут же заурчал. Итан, без сомнения, прав: без него я бы умерла с голода. На самом деле я даже не помнила, завтракала ли сегодня. Точно, завтракала! По крайней мере, если печеньки можно считать завтраком.

— Это было не пищевое отравление! — Итан достал два маленьких пакетика сока и в мой сунул соломинку, словно я маленький ребенок.

— Ну конечно, я просто так неделю пролежала в постели, — рассмеялась я и сделала глоток прохладного яблочного нектара. Сладкий сок коснулся моего языка, и туман в голове, который неизменно вызывала музыка, постепенно рассеялся.

— Нет, это был весенний грипп. Тогда все им болели, — весело проговорил Итан, а затем низко наклонился и без спроса отпил через мою соломинку. Он делал так с тех пор, как мы познакомились, так что это меня не очень-то беспокоило, но тем не менее я быстро отодвинула сок на безопасное расстояние. Потому что если Итан начинает пить, то для меня в пакетике редко что остается.

— Как прошел твой день? — сменила я не совсем приятную тему и откусила бутерброд одновременно с Итаном.

— Хоро... — начал он, но не закончил предложение.

— О боже, — с отвращением протянула я, ощущая затхлый вкус во рту.

— Ужасно на вкус, — с набитым ртом согласился со мной Итан.

Мы оба поперхнулись. Я выплюнула все обратно на фольгу и тут же рассмеялась, потому что нос Итана становился все зеленее и зеленее.

— Видимо, бутерброды провели в рюкзаке гораздо больше времени, чем я думал, — выдавил он.

Я жадно глотала сок, чтобы избавиться от привкуса испорченного хлеба. Кто бы мог подумать, что пастрома может быть такой противной?

— Хорошо, план Б. Я, кажется, видел яблоко, может быть, оно все еще там, — сказал Итан и, к моему ужасу, снова полез в недра своего рюкзака.

— Господи, Итан, пощади! — Я вытащила его руки из этого хранилища деликатесов и отчаянно сжала их. — Возможно, оно просто убежало на своих двоих. Не будем больше ничего есть, пожалуйста.

Парень рассмеялся, отчего искорки заглялись в его темно-карих глазах. Их миндалевидный разрез напоминал о том, что часть семьи Итана приехала с Филиппин. И пусть его кожа слегка отливала бронзовым, но от отца ему достались темно-русые волосы, которые после душа цветом походили на мокрый песок.

Итан лишь крепче сжал мои ладони и нежно провел большим пальцем по костяшкам. От этого действия я ощутила теплое покалывание. Притяжение, которое в последнее время меня все больше раздражает. Для Итана совершенно нормально касаться меня. Мы обнимаемся, когда вместе смотрим телевизор или держимся за руки, когда гуляем, да даже регулярно спим в одной постели. Но за последние несколько недель

между нами что-то неуловимо изменилось. Особенно когда он прикасается ко мне. И уж не знаю, то ли потому что он делает это чаще, то ли делает это каким-то новым способом, но я каждый раз реагирую смесью растерянности и волнения с легкой ноткой смущения.

Поэтому я поспешно отпустила его пальцы и принялась перебирать лежащие передо мной нотные листы, над которыми трудилась последние несколько часов. Должна была получиться небольшая соната, но до запланированных десяти страниц мне не хватало еще двух. Музыка давалась мне сегодня немного труднее, чем обычно, о чем свидетельствовали многочисленные изменения в нотах и перечеркнутые строки.

Итан одарил меня своей фирменной улыбкой и медленно опустил руки.

— Может, нам лучше сходить в кафе? Тайсон и еще несколько однокурсников звали меня.

Я помедлила, снова посмотрев на часы. Пятница. Сегодня в УСА, Университете Северной Аризоны, проводится много вечерних курсов, и столовая наверняка будет забита людьми. Не то чтобы я имела что-то против Тайсона или людей в целом, но шум, который они обычно производят, заставляет меня немного сомневаться.

Когда Итан заметил мои колебания, в его глазах засветилась нежность. В такие моменты он всегда напоминал мне Бэмби.

— Не самый лучший день? — обеспокоенно поинтересовался он.

— Не особо, — пробормотала я, наблюдая, как тень разочарования скользит по его лицу.

— Хорошо, тогда мы просто пойдем ко мне домой, да? Пятница — день мясного рулета, а я люблю мяс-

ной рулет, особенно тот, что делает моя мама, — сказал он, вставая.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки, испытывая угрызения совести. Уже в третий раз за последние две недели Итану придется провести вечер наедине со мной, хотя совершенно очевидно, что ему хотелось бы встретиться с однокурсниками. И дело даже не в моем нежелании проводить время с Тайсоном и другими ребятами. Все друзья Итана классные и общительные, — ну, кроме Тайсона, — только в последнее время я еще острее, чем обычно, реагирую на шум. Головная боль не дает передохнуть и заставляет меня терять не только самообладание, но и сосредоточенность. А это, в свою очередь, выливается в ту халтуру, которую я кропаю в последние дни.

В любом случае это нельзя назвать музыкой.

— Ты ненавидишь мясной рулет, особенно тот, что готовит твоя мама, — напомнила я.

— Все уже не так плохо. По крайней мере, она перестала делать его из тофу, — солгал Итан, хотя мы оба в курсе, от кого он унаследовал отсутствие таланта к приготовлению даже мало-мальски съедобной пищи.

Я вздохнула, аккуратно укладывая нотные листы в папку и пряча ее в сумку. На всей поверхности яркой ткани Итан нацарапал небольшие забавные комиксы. Некоторые из них настолько стары, что их уже и не разглядишь. Итан всегда невероятно хорошо рисовал. Когда три года назад мы поступили в УСА, я не сомневалась, что в качестве основного предмета он выберет изобразительное искусство. А потом Итан заявил, что вместо этого его выбор пал на спорт. Я даже сначала подумала, что он так шутит. В то время из него был такой же спортсмен, как из меня — одаренный

художник, то есть никакой. Тем не менее он занялся спортом, и не успели мы оглянуться, как занятия превратили Итана из долговязого, тощего и невзрачного парня в высокого, мускулистого и одного из самых популярных студентов УСА.

Как-то неожиданно его окружили новые друзья, среди которых оказалось и немало девушек, и я немного забеспокоилась, что могу остаться в одиночестве. Но Итан ни на минуту не перестал быть моим лучшим другом. Его не волновало, срывается ли из-за этого график тренировок или нужно что-то зубрить перед экзаменами, не волновало, встречается он с кем-то или нет: каждую свободную минуту Итан проводил со мной. И так всегда. А если кто-то из его подружек жаловался на это, она недолго оставалась в этой роли. Итан — самый преданный и любящий человек из всех, кого только можно пожелать рядом. Если он любит, то делает это всем сердцем. Я же только мешаю ему. Поэтому один раз, один-единственный раз мне все-таки следовало взять себя в руки. Ради Итана. Потому что я у него в долгу.

— Знаешь что? — нарушила я тишину, решительно перекидывая сумку через плечо. — Пойдем в столовую.

Итан удивленно посмотрел на меня.

— Что? Нет, ты не обязана, Саммер. Я понимаю, если ты нуждаешься в отдыхе. Особенно если тебе плохо.

— Со мной все в порядке, — солгала я, вцепившись в него.

— Но...

— Никаких «но». Если я не буду общаться с людьми, то в какой-то момент превращусь в пещерного человека и начну издавать только хрюкающие звуки. —

Я решительно захлопнула крышку пианино, на мгновение встретившись взглядом со своим отражением. Длинные светлые волосы собраны в тугий пучок на затылке, карие глаза немного покраснели от усталости, а на подбородке появилась небольшая ямочка, смягчая черты моего довольно обыкновенного лица.

— Все в порядке? — Итан нежно погладил мою шею, заставив меня вздохнуть.

— Да, пойдём...

Я повернулась спиной к пианино и вслед за другом покинула музыкальную комнату.

Обычно требуется заранее записаться, чтобы практиковаться здесь. Однако у меня имеется своего рода специальное разрешение, и я могу играть здесь, когда пожелаю. В конце концов, должно же быть хоть какое-то преимущество у музыкального вундеркинда в УСА.

Итан одарил меня ласковым взглядом. А потом взял меня за руку и сжал ее. Сначала один раз, затем еще. Наш тайный знак, говорящий о том, что мы любим друг друга. И пусть это банально, но в шестилетнем возрасте нам было все равно. И теперь, по-видимому, тоже.

— Спасибо, — только и сказал он, целуя меня в щеку.

В животе снова родилось покалывание. Я криво улыбнулась ему, пока мы шли в столовую. В учебе в небольшом университете, таком как УСА, есть свои преимущества. Например, не нужно каждый раз проходить несколько километров, чтобы добраться из одного конца в другой. УСА состоит из четырех старых кирпичных корпусов, соединенных современными стеклянными переходами, через которые просматривается мощный двор. Поскольку сегодня стояла ужасная погода с висящими низко над землей облака-

ми, то на улице уже стемнело, и коридоры освещало несколько ярких огней. Шум столовой был слышен уже в здании Тернхилла, где проходили занятия по экономике. Итан, рассказывая мне смешные истории о своем профессоре биологии, неосознанно повысил голос.

— Сегодня он снова превзошел самого себя. Мы с Тайсоном сидели в первом ряду, и все равно понадобился бы слуховой аппарат, чтобы понять его. Между тем мы уже не уверены, это его гигантская борода проглатывает все звуки или он страдает логофобией¹. Ставки все еще принимаются, так что ты можешь участвовать в любое время.

— Я бы поставила на бороду, она выглядит так, как будто на его лице умер небольшой медведь, — отозвалась я, невольно усиливая хватку на руке Итана, когда в поле зрения появилась столовая. А потом медленно вдохнула и выдохнула. Я могу это сделать.

— Как, по-твоему, он выглядит без растительности на лице? — поинтересовался Итан.

Из столовой донесся громкий, пронзительный смех, и что-то с грохотом упало. Я вздрогнула, когда звук больно ударил по ушам, и незаметно нащупала беруши в кармане. Маленькая коробочка все еще лежала там, куда я положила ее сегодня утром. И одно только знание о том, что она на месте, успокоило меня до такой степени, что я сумела сделать шаг в столовую. Один, другой, затем еще один, пока я незаметно разглядывала присутствующих, слушая болтовню Итана. На самом деле здесь оказалось не так много

¹ Логофобия, или глоссофобия (от др.-греч. λόγος — слово, речь, или др.-греч. γλῶσσα — язык) — навязчивый страх перед речью, связанный с логоневрозом (заиканием) и мутизмом. Имеет разные варианты.

народа, как я опасалась. Было занято всего около половины столов, да и большую часть шума создавала пара первокурсников, которые теперь затихли на середине разговора и тарасились на меня округлившимися глазами.

— Эй, вундеркинд, мы здесь, — крикнул Тайсон.

Класс. Без сомнения, он не смог удержаться от того, чтобы сообщить всем, кто только что вошел в помещение. Казалось, в столовой все прекратили ужинать и уставились на нас. Напряженное внимание было мне почти так же неприятно, как раздававшийся до этого шум. Итан сделал вид, что ничего не замечает, но все же немного ускорился. Когда мы наконец пробрались сквозь джунгли столов и стульев, Тайсон вскочил и поклонился мне, взмахнув руками.

— Миледи, пожалуйста, позвольте мне предложить вам мое скромное место. Как всегда, для меня невероятная честь обедать с вами.

— Спасибо, Тайсон, это очень любезно с твоей стороны, — весело ответила я и устроилась за столом, в то время как он схватил другой стул, развернул его спинкой вперед и сел.

— Эй, чувак, не устраивай такой театр, это меганеловко! — проговорил Итан и опустился рядом со мной.

— Неловко? — удивился Тайсон, потрясенно распахнув голубые глаза. — Я и неловко? Пардон, господин, кажется, я ослышался. Во всяком случае, мое обращение...

— О, перестань трепаться, Тай, — прервала его Шейла, девушка с розовыми волосами, и отвесила студенту-актеру крепкий подзатыльник, заставив его вздрогнуть. — Прости, Саммер, мы только прошли Шекспира, и с тех пор Тай считает себя Гамлетом.

— Ай! Шейла, это физическое насилие! — причитал Тай, лихорадочно пытаясь привести в порядок свою прическу.

— Все в порядке, Шейла, — заверила я, заправляя прядь медово-русых волос за ухо. — Я же знаю Тайсона.

— Его эго равно квадратному корню его большого рта, — пошутил Итан, вытаскивая бумажник из кармана. — Как обычно? — спросил он. Я лишь кивнула, и парень отправился за едой.

— Боже, — вздохнула Мэй, без стеснения провожая Итана взглядом. О ней я знала лишь то, что девушка училась предпоследний семестр и посещала курс актерского мастерства вместе с Таем и Шейлой. — Интересно, это они на занятиях прорабатывают ягодичные мышцы? Или он всегда был таким аппетитным?

— Понимаю, о чем ты, — рассеянно отозвалась Шейла. — Я все время пытаюсь придумать, как проникнуть в художественный класс. На следующей неделе будут рисовать с натуры, а Итан выступит в качестве модели.

Мы с Тайсоном переглянулись. Я привыкла к тому, что рядом с Итаном все время крутятся девушки. Но, как уже упоминала, я все еще помню, как он в десять лет тыкал себе в нос картошкой фри. Они — нет.

— Меняйте тему, девочки, иначе я весь вечер не смогу выбросить из головы задницу Итана, — проворчал Тай.

Шейла одарила его милой улыбкой.

— Ревнуешь?

— Скорее смущен. Из-за вас, между прочим!

— В тебе точно говорит ревность, — поддразнила Мэй.

Они рассмеялись, и мне пришлось согласиться. Тем более Тайсон выглядел так, будто хочет задушить этих